

Сергей Проскурин

Отрок

Хочу в СССР?

Сергей Проскурин

Отрок

«Деловой двор»

2019

УДК 82-94
ББК 84-9

Проскурин С. П.

Отрок / С. П. Проскурин — «Деловой двор», 2019 — (Хочу в СССР?)

ISBN 978-5-91550-235-1

Вниманию читателей предлагается новая книга воспоминаний, вошедшая в серию «Хочу в СССР?», начало которой было положено в 2018 году. Время действия - 50-60-е годы прошлого века. Сегодня представления о жизни в СССР, к сожалению, складываются на основе случайных сведений, полученных, в основном, из интернета. Как нас тогда манила «заграница», где «все есть и все здорово», так некоторую часть молодых людей сейчас привлекает совсем не известная им жизнь в Советском Союзе, где абсолютно все, как представляют они, были счастливы и ни о чем не надо было думать. Ведь обо всем заботилось государство! Но так ли оно было на самом деле? В процессе поиска ответа на этот вопрос у автора и возникла идея рассказать читателю о самой обычной жизни в то, уже далекое от нас, советское время. А уж выводы пусть каждый делает для себя сам. В книгу вошли редкие фото из архивов автора и его друзей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84-9

ISBN 978-5-91550-235-1

© Проскурин С. П., 2019
© Деловой двор, 2019

Содержание

Серия «Хочу в СССР?»	6
От автора	10
Останкино – Таджикистан – Останкино	11
Как ты посмел попросить!	11
Никогда ни у кого ничего не проси!	18
За помощь денег не берут	20
Доносчику – первый кнут!	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Павлович Проскурин

Памяти листья опавшие

Отрок

Посвящаю моим родителям и моим сыновьям

* * *

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© «Деловой двор»

* * *

Шуршат шелковистой листвою шелестя
В саду моей памяти дни промелькнувшие.
И шорох щемящий шуршащей листвы
Во мне пробуждает картины минувшего.

Серия «Хочу в СССР?»

«А я во внеслужебное время замечаний в свой адрес ни от кого не принимаю!»
– ответил молодой лейтенант-двухгодичник командиру своей части.

Этим наглым лейтенантом был я.

Прошло всего два месяца с начала моей службы и я уже успел познакомиться с офицерами своей «группы» – так называлось подразделение, в котором мне предстояло служить. Структура подразделений в технической ракетной базе (ТРБ), входящей в дивизию ракетных войск стратегического назначения, отличалась от общевойсковой, что было вызвано характером службы в ней, более инженерным, чем военным.

Однажды, субботним вечером, с одним из кадровых лейтенантов я шел с батоном сырокопченой колбасы в руке. Одеты мы были в гражданскую одежду и шли в его квартиру, потому что у него была хорошая музыка. Батон колбасы купили на случай, если вдруг захочется выпить. Вероятность этого была велика, так как ни у меня, ни у лейтенанта в это время жен не было, они жили в других городах (его – в городе Россошь, а моя в Москве), и приготовить закуску было некому.

Подойдя к главному перекрестку поселка у дивизионной проходной мы увидели на другой стороне улицы нашего командира ТРБ, полковника Молчанова, со своим замполитом, подполковником Маркиным. На меня наличие командиров на перекрестке не произвело никакого впечатления, но мой спутник вдруг резко пошел по диагонали влево. Я же продолжал идти прямо на них.

Увидев это, лейтенант обходить командиров передумал и описав дугу присоединился ко мне. Видимо, именно его маневр и привлек внимание старших офицеров.

В ответ на приветствие командир решил проявить к нам интерес.

– Куда вы направляетесь? – строго спросил он.

Уже сам вопрос возмутил меня. «Какого черта я должен перед кем-то отчитываться в свое свободное время!» – подумал я, но промолчал.

Мой спутник стал сбивчиво объяснять, что мы идем к нему домой, чтобы послушать музыку.

– А колбасу взяли, чтобы водку пить? – сообразил полковник.

– Нет, мы будем пить чай, – зачем-то соврал лейтенант, – с бутербродами.

У меня в груди начинало закипать. «Зачем он все объясняет, а не попросается и не пошлет командиров мысленно „куда подальше“?» – подумал я, но продолжал молчать. В конце концов, моя служба только началась и, возможно, я чего-то не понимаю.

– А где ваши жены? – не унимался полковник.

– Вы знаете, я как раз хотел прийти к Вам с рапортом за отпуском, чтобы перевезти жену, – торопливо стал объяснять лейтенант.

«Черт его знает, – думал я, – может у них в армии такой порядок – лебезить перед командирами, и командирам это нравится».

Но за своего временного приятеля в тот момент было неловко.

Однако интерес к нему у полковника был удовлетворен и он переключил свое внимание на меня.

– А Ваша жена где? – спросил командир, наверняка ожидая такого же «правильного» и почтительного ответа.

– В Москве! – резко ответил я, не проявив должного почтения.

– А что она там делает? – потребовал пояснений полковник.

«Ну это уже на грани хамства», – подумал я и ответил не менее резко и сухо.

– Исполняет свои функциональные обязанности!

Замполит глубоко и резко вздохнул.

– Что Вы себе позволяете, лейтенант?

Я не ответил.

– Должен сделать Вам замечание, – начал командир довольно вежливым и располагающим тоном.

Это было уже слишком. Мое терпение лопнуло и я произнес фразу, с которой и начал свой рассказ.

– А я во внеслужебное время замечаний в свой адрес ни от кого не принимаю!

Замполит задохнулся от негодования, но переводить на себя инициативу не решился. Ответ был, конечно, дерзким, но мог выглядеть и хамским, и я продолжил, решив слегка сгладить ситуацию.

– Я в состоянии сам оценить все свои поступки и сделать выводы, поэтому мне не требуются чьи-либо оценки.

И не давая возможности отреагировать на мои слова, добавил:

– Если вы не будете возражать, я продолжу свою прогулку. Всего вам доброго.

И отвернувшись, не спеша пошел дальше.

– Я могу идти, товарищ полковник? – уже за спиной услышал я вопрос лейтенанта к полковнику.

– Идите, догоняйте своего приятеля, – недовольно буркнул командир.

– Конечно, ты можешь так отвечать, ты же в армии всего на два года. А мне так нельзя, а то могут звание задержать, – догнав меня стал оправдываться лейтенант.

А я шел и думал про себя:

«Ну вот, опять выпендрился. Не мог промолчать? Тем более что полковник – вполне интеллигентный человек, совсем не солдафон, не зря солдаты зовут его „батя“. Теперь не будешь из нарядов вылезать. Спасибо Уставу, хоть на кухню офицеров не посылают и не заставляют сортиры мыть... Но „дежурный по парку“ и „караул“ тебе обеспечен...».

В ответ на эти мысли внутренний оппонент тут же ехидно заметил:

«Но ты же призван служить и „переносить все тяготы военной службы“! Вот и будешь их переносить. А то что же? Служить и тягот не знать?»

Надо сказать, что этот оппонент завелся у меня еще в подростковом возрасте и сопровождает по сей день. Он всегда дает честную оценку моим поступкам и проступкам. Там, где самому себе захочется соврать, мол ничего страшного нет в том, что ты сделал, – «он» обязательно расковыряет всю подноготную поступка, покажет всю его неприглядную сторону, да еще и поддевается. А потом предложит мне самому решать, как на это реагировать.

«Согласен», – подумал я в ответ на «его» заключение.

Моя беседа с оппонентом продолжалась, пока я шел к приятелю, хотя, надо честно сказать, музыку слушать уже не хотелось, и выпивать, впрочем, тоже.

Воскресенье прошло быстро и незаметно.

По понедельникам происходит дивизионный развод на плацу, то есть общее построение офицерского состава дивизии, где «командир доводит до офицерского состава задачи службы». Наверное, это мероприятие дисциплинирует офицеров, но я его так и не понял. После дивизионного развода офицеры технической ракетной базы (ТРБ) собираются на своем миниплаце, где уже наш командир ставит задачи перед ними.

Перед внутренним разводом бывает несколько минут для перекура. В это время знакомый лейтенант и рассказал о нашей субботней встрече с командирами. Офицеры группы, посмеиваясь, хлопали меня по плечу и говорили, что теперь есть штатный «дежурный по парку», да и «в караул» никого искать не надо.

Я знал, что командир, давая еженедельную накачку, не забудет отметить «хамское поведение молодого офицера» и наверняка уже подготовил перечень мер воздействия, которые объяснят молодому лейтенанту суть армейской службы.

Выстроившись по команде в офицерскую «коробку» (фигура построения, представляющая из себя квадрат) все приготовились слушать. После командира выступал замполит со своими указаниями и за ним – начальник штаба. Все мероприятие обычно длилось от 15 минут до часа, поэтому все настроились просто терпеливо отстоять это время. Все, кроме офицеров нашей группы, которые приготовились с интересом наблюдать за развитием субботнего сюжета.

Начало речи командира не обмануло их ожиданий.

– Я тут в субботу побеседовал с одним молодым офицером... – начал полковник и сделал выразительную паузу.

Мои коллеги широко улыбнулись, понимая, о чем пойдет речь, остальные офицеры ждали продолжения.

Полковник повернул голову в мою сторону. Я смотрел прямо перед собой, не желая встретиться глазами с командиром, но и не опуская взгляда, – «я же на службе».

– Так вот что я должен вам сказать, – продолжил полковник. – Этот молодой офицер – не чета вам. Это думающий офицер! Он сам оценивает свои поступки и делает надлежащие выводы!

И в этот момент он выразительно посмотрел в мою сторону. На этот раз наши взгляды встретились и в глазах «молодого офицера» отчетливо читалось чувство уважения и благодарности. Полковник, как мудрый отец, простил молодому отпрыску его дерзость. Наверно, он видел, что за ней скрывалось требование уважения к себе и понимание ответственности за свои поступки. А эту черту характера он ценил превыше всего. Фамилию «молодого офицера» командир так и не назвал.

Офицеры моей группы такому исходу очень удивились.

– Странно, почему он ему не врезал... Надежды, что появится тот, кто возьмет все наряды на себя, не оправдались.

И тут же об этом эпизоде все забыли. Только не я. Уже прошел по экранам фильм «Дожидем до понедельника», где ученик в сочинении на тему о счастье пишет одну только фразу:

«Счастье – это когда тебя понимают».

Эпизод в начале службы был ярким тому подтверждением.

* * *

Прошло много лет, когда я понял, что этот эпизод был кульминацией становления моего характера. Вспоминая отдельные моменты из жизни до этого случая и после него, и анализируя причины и последствия тех или иных поступков, я понимал, что именно этот эпизод подвел черту под юношеским взрослением и направил последующее формирование характера.

После этого я осознал, что уже никогда не смогу лебезить и приноравливаться, добиваясь помощи, поддержки или особого отношения со стороны других, более сильных, властных и могущественных людей, при этом всегда оставаясь в полной зависимости от них.

Хотя о чем это я? Разве не комфортно двигаться в кильватерной колонне к цели, которую назначит лидер? Лидер идет вперед и увлекает за собой команду. Что может быть в этом плохого или предосудительного?

В дальнейшем жизнь показала, что я могу хорошо чувствовать себя в команде не на ведущих позициях. Но... только до тех пор, пока мне близок и понятен смысл коллективного действия. Как только это условие нарушается, я начинаю выпадать из нее и команду приходится менять.

Менять себя я не согласен!

Степень независимости характера навсегда определяет, будешь ты ведущим или ведомым. Перед Богом ни одно из направлений не имеет преимуществ, да и выбор этот, по всей видимости, делает не сам человек. Так ему суждено! У ведущего нет преимуществ, кроме права самому выбирать свой путь, зато в изобилии тяготы ответственности за тех, кто за тобой идет.

Когда-то наступает момент, когда человек это осознает и дальнейшее его развитие происходит под знаком этого выбора.

От автора

Это не автобиография и не назидательная «педагогическая поэма», несмотря на посвящение сыновьям. Сыновья выросли и никакими назиданиями их не направить, не исправить и не перевоспитать.

Каждый человек проектирует и постоянно перепроектирует свою жизнь в каждый ее момент. Бывает, что самое незначительное событие изменяет направление вектора, после чего, как не пытайся вернуться на прежний путь или не допустить этого изменения, оно все равно происходит. «Что криво, уже не станет прямым», как говорит нам Екклезиаст.

Начиная свой рассказ я хотел отыскать эти точки бифуркаций в своей жизни. Уже довольно давно я понял, что можно найти в прожитом времени те ситуации, которые повлияли на формирование каких-то черт твоего характера. Однако сделать это можно только по прошествии большей части жизни, и то, если память со всеми подробностями сохранила эти определяющие моменты. Но память – не самый надежный источник информации. Даже если человек привык на протяжении всей жизни скрупулёзно вести дневник, его записи не отражают всей полноты обстоятельств событий. Поэтому бесконечно прав Тютчев – «... мысль изреченная есть ложь».

Чтобы представить одновременно и события и их внутреннее восприятие, первоначально я хотел вести рассказ от лица внутреннего «собеседника». Ему позволено отходить от фактографической точности описания и даже придумывать некоторые события и их персонажи. Такой прием защищает автора от возможных упреков реальных участников некоторых событий в неверном их описании. Не важно, какими они были в действительности, но внутренний «собеседник» автора увидел их такими.

Однако от этого приема пришлось отказаться, потому что получалось слишком заумно и натянуто. В дальнейшем внутренний голос будет лишь изредка присутствовать как оппонент или комментатор, а рассказывать я буду от первого лица, то есть от себя. При этом что-то буду домысливать, что-то выдумывать, а о чем-то умалчивать. Как же без этого?

Мой рассказ пойдет, в основном, в хронологическом порядке. Однако будут присутствовать и вставки, клипы, которые нравятся современной молодежи, потому что не требуют удержания некоторой последовательности мыслей в голове.

Логика молодых и не очень молодых сейчас «однобитовая» – только «да» или «нет». Потому, наверное, и шахматы в наше время никого не привлекают. Все партии сегодня, я думаю, заканчивались бы в три хода – киндерматом.

Оценить и учесть многообразие и системность отложенных воздействий на судьбу не только отдельного индивидуума, но и страны в целом представляется неразрешимой задачей для поколения магистров бизнес администрирования (МВА).

А значит и нечего об этом думать.

Останкино – Таджикистан – Останкино

Как ты посмел попросить!

Одним из самых ярких эпизодов, сохранившихся в памяти, был теплый солнечный летний день 1953 года. Вместе с детьми своего двора я играю на проезде около дома.

* * *

Останкино, 3-й Новоостанкинский проезд. Посредине проезда – дорога, засыпанная плотно укатанным шлаком – отходами металлургического производства, – по бокам которой оставались лужайки шириной метров семь, окаймленные посаженными тополями. В то время тополя достигали высоты второго этажа, то есть метров четырех-пяти.

За тополями вдоль заборов проходил пешеходный асфальтовый тротуар, на котором детям было хорошо играть в классики. По обеим сторонам проезда были двухэтажные каркасно-засыпные дома, перемежающиеся дворами частной застройки.

Двухэтажные дома, в одном из которых я жил, были построены в 1935 году для строителей метрополитена. Таких домов было немало по окраинам Москвы, а Останкино и было окраиной. До революции, да и до войны, Останкино было дачным местечком, сформировавшимся вблизи Шереметевского летнего дворца.

Эти дома строились для рабочих, строителей, а также студентов, откуда были и названия микрорайонов: Алексеевский студгородок, названный так по названию села Алексеевского, которое до начала 60-х годов находилось на месте сквера перед монументом «Покорителям космоса». Этот городок, наверное, был построен для студентов находящегося неподалеку Финансового института, а также МАРХИ, возможно, и для других студентов.

Баракы в Пушкинском студгородке в Останкино

У нас же в Останкино был Пушкинский студгородок, названный так по поселку Пушкинский, на месте которого были построены дома. Этот студгородок ярко описан в повести Асара Эппеля «Травяная улица»¹.

В послевоенное время в Москве было много «городков», например городок им. Баумана, городок Метростроя, городок Моссовета. Последний находился на Яузе около «Миллионного моста», как его называли местные жители, а на самом деле Мытищинского акведука, который был построен для подачи воды в Москву из мытищинских источников. Этот акведук построила Екатерина, потратив на него один миллион, – отсюда и «миллионный». Изначально городок Моссовета строился для его сотрудников и был в то время «Рублевкой», но быстро оброс такими же бараками, как и в Останкино.

Это будущая улица Королева. Фото из архива Б. В. Раушенбаха предоставлено Оксаной Карповой

Городки образовывались по производственному признаку. Москве требовалось много людей, которым надо было где-то жить. Хрущевская массовая застройка была не первой в нашей стране. Приходилось встречать остатки домов барачного типа и в других крупных городах.

Дома этих городков были однотипной конструкции, но отличались внутренней планировкой. Были дома барачного типа одно- или двухэтажные, в которых на каждом этаже был внутренний коридор вдоль всего дома, из которого по обе стороны был вход в комнаты. Но были дома похожей конструкции, но уже квартирного типа с подъездами или парадными (в Ленинграде) и лестничными площадками на две квартиры на каждом этаже. Иногда в таких домах были квартиры с балконами на дополнительных опорах или с лоджиями, или даже с эркерами. К сожалению, фотографий таких домов в интернете найти не удалось.

¹ Более подробно и чрезвычайно увлекательно останкинские реалии того времени представлены в книге Владимира Федорова «Страна Останкино», выпущенной издательством «Деловой двор».

Село Алексеевское в последний год своего существования

Санузлов в домах не было, все удобства – во дворе. Хотя вот написал и задумался. Свет был, это точно. Но вот были ли вода и газ? Помню, на проезде около дома стояла колонка, но не помню, чтобы приходилось носить воду. Хотя, может, меня по малолетству к этому просто не привлекали?

Позже в этих домах провели реконструкцию и в них появились вода, газ и даже туалеты и канализация в домах квартирного типа.

Нередко эти дома строились попарно и между ними образовывался двор, в конце которого находился общественный туалет. Во дворе домов барачного типа общественный туалет

представлял из себя сарай, разделенный на две половины – мужскую и женскую, в каждой из которых было по шесть отверстий в полу на подиуме без всяких перегородок и огромное количество дырок (разного размера и на разной высоте) в стене между половинами.

А во дворах домов квартирного типа общественный туалет представлял собой сарай меньших размеров, в котором было четыре отдельные кабинки. Можно предположить, что барачные дома предназначались для студентов и рабочих, а квартирные – для преподавателей и руководителей. Так, наверное, и было до войны, но после войны дома заселялись без разбору.

Конструкция домов была весьма примитивная, но эффективная. Это был каркас из бруса, обшитый досками, между которыми был шлак, такой же, каким была засыпана дорога на проезде. Снаружи и внутри стены дома были обшиты дранкой, оштукатурены и покрашены снаружи желтой краской, а точнее побелкой с желтым пигментом. Внутри квартир стены также были оштукатурены и побелены. Благодаря такой конструкции дом был теплый зимой и не перегревался летом.

Отопление в доме было печное. Печь была в каждой квартире и потому каждой квартире полагался дровяной сарай. Конечно, использовался сарай не только для дров. Помимо домашнего хлама там стояли бочки с квашеной капустой, солеными огурцами, хранились и другие продукты в зависимости от времени года. Иногда сараи подвергались набегам, поэтому ничего особенно ценного в них не держали.

В отопительный сезон по проезду в воскресенье проезжала телега или сани с дровами, чтобы жители могли приобрести их. Если же дров не хватало, приходилось идти на дровяной склад, который находился рядом с рынком у Шереметевского дворца, и оттуда везти дрова на санках. Я помню, как несколько раз с мамой и сестрой нам приходилось это делать. Для меня это было приключением и прогулкой, а для мамы испытанием: надо следить за мной и сестрой и тащить сани с дровами, на которые я то и дело норовил усесться.

Дрова были в снегу и иногда в ледышках, поэтому сразу в печь загружать их было бессмысленно. Они долго оттаивали и высыхали в углу около печки, источая аромат сырого дерева. Что за чудный был аромат! Упоение запахами дерева пришло к нам, видимо, из древности. Они разные: запах свежераспиленного дерева отличается от свежеструганного, запах мокрого леса отличается от сухого, запах отодранной коры тополя отличается от еловой. Но все запахи притягательны. Не нанохаетесь! Когда в Останкино делали по весне обрезку тополей, все дети толпились около рабочих и нюхали кору. Она пахла одновременно арбузом и огурцом.

Потом дрова, уже обсохшие, укладывали в печку, натолкав между ними щепочек и обрывков газет, и поджигали. Когда огонь занимался, мы с сестрой прижимались к печке спинами и ждали, когда она начнет нагреваться. Мама говорила, чтобы не терлись о печку, а то испачкаемся, но от нетерпения и холода нам хотелось найти на ней место, прогревавшееся раньше других, и мы не очень ее слушались...

Пушкинский рынок, за которым раньше находился дровяной рынок. Фото из архива Б. В. Раушенбаха предоставлено Оксаной Карповой

Романтика печного отопления закончилась в начале 60-х, когда в Останкино пришел саратовский газ. Нет, печи, конечно, в домах остались, но в них вставили газовые горелки и потребность в дровах отпала. Из комнат ушел запах дерева, исчезло веселое потрескивание дров в печи, да и картошки уже не испечешь в тлеющих углях...

Комфортнее стало? Да. Легче? Несомненно. Но душа обеднела!

Казалось бы, все время стремишься к большему материальному комфорту, делаешь все для того, чтобы его приобрести, но с каждым приобретением теряешь эпизод очарования души. Пропадают навыки, ощущения, впечатления. Кто теперь знает, как без вонючего «розжига» запалить четыре толстых полена с одной спички? Кто вдохновится ежедневным ощущением радости от занимающегося огня в печи? Кто слышит музыку легкого потрескивания хорошо подсушенных дров и может отличить по звуку горение березовых дров от еловых?

Одновременно с газификацией печей в квартирах соорудили туалеты типа «ватерклозет». Появились вода и газ на кухне. И канализация! Вот это был действительно цивилизационный шок. Не надо было по любой нужде бегать на двор, и можно было выбросить ночные вазы.

Жизнь налаживалась!

Однако стоит вспомнить, что когда эти дома строились, им был назначен срок 15 лет, а простояли некоторые из них 35. Дом, в котором я жил, снесли только в 1970 году, когда из-за возможности взрыва в нем уже отключили газ. Хотя крыша посередине провалилась, штукатурка осыпалась и его жители неоднократно обращались в Мосгорисполком с письмом о невозможности проживания в доме, он все еще считался жилым.

Когда делегация жителей обратилась уже на очередной «съезд нашей родной коммунистической партии», то их пригласил какой-то из замов председателя Мосгорисполкома и попросил отозвать письмо, пообещав решить вопрос с квартирами. Две или три семьи согласились и им действительно дали квартиры в центре из резервного фонда. Были такие, что не поверили. Эти семьи жили в полуразвалившемся доме до 100-летнего юбилея В. И. Ленина, пока не отключили газ. Они получили свои квартиры в самых дальних новых районах. Однако к этому времени наша семья уже давно жила в Ростокино.

* * *

Но пока идет 1953 год, и я играю с детьми около дома. Обычный вечер обычного дня, и как обычно идет с работы знакомая тетя, которая всегда со мной здоровалась и дарила конфету. Почему она это делала, я не знал. Тетя не была подругой моей мамы, никогда не бывала у нас в доме, а просто жила в соседнем подъезде. Но я уже привык, что она всегда угощает меня конфетой.

В этот день тетя так же поздоровалась со мной. В ожидании получения своей конфеты я подбежал к ней, но она ее почему-то не дала. «Может быть, забыла? – подумал я. – Если так, то надо ей напомнить». И я попросил... Тетя смутилась и сказала, что у нее нет конфеты, и порывшись в сумочке протянула мне сушку. Я схватил ее, сказал «спасибо» и побежал играть, тут же забыв о конфете.

Через какое-то время из окна второго этажа, на котором была наша квартира, раздался необычно строгий мамин голос:

– Сережа, домой!

Привыкший слушаться маму и не ощущая за собой какой-либо вины, я побежал домой. Мама встретила меня очень сердитой. Я не понял почему.

– Ты что, просил у тети конфету?

А я уже и забыл об этом. Ведь я не просил, а спросил, напомнил тете про конфету.

– Я не просил, – быстро ответил я.

– Зачем ты врешь? Тетя пришла и принесла для тебя конфету, которую ты у нее попросил!

Мама взяла в руки воспитательный инструмент, которым для нее служил портновский сантиметр, и быстро оказала воспитательное воздействие. Воздействие было скорее эмоциональным, чем физическим, но очень сильным. Небывало сильным! Лицо мамы всегда было ласковое и веселое. Даже когда хмурилось или сердилось, оно всегда оставалось слегка лукавым и добрым. А тут оно покраснело от искреннего негодования.

– Как ты мог попросить?!

Я тогда не понял, в чем заключался мой проступок, но в меня, в мое подсознание навсегда встроился мамин императив.

Никогда ни у кого ничего не проси!

Этому императиву я подчинялся и не мог его послушаться всю последующую жизнь. Это был блок, выставленный на уровне подсознания, который мне так и не удалось преодолеть, хотя я и пытался.

Надо признаться, что иногда это приносило какую-то пользу.

Где-то в 1959-м или 1960-м году, гуляя с друзьями по ВСХВ (а может быть уже и ВДНХ), мы зашли в павильон, в котором находилась иностранная делегация. В основном в ней были женщины. Увидев детей, а кроме нашей компании в павильоне было еще несколько детских групп, они стали раздавать мелкие сувениры. Дети тут же обступили делегацию и наперебой стали просить подарки. Я также стоял среди них, но физически не мог заставить себя попросить. Блок, установленный мамой в три года, был непреодолим. Я смотрел на этих добрых женщин и молчал. Наверное, мои глаза выражали и мое желание, и страдание от невозможности его высказать. Одна из женщин раздвинула кучку ребят, обступивших ее, и сделала несколько шагов ко мне, протягивая коробку из-под конфет, и что-то сказала переводчице.

– Ты, наверное, собираешь марки. Госпожа дарит тебе большой набор марок со всего мира, – перевела та.

Видно было, что она была бы не прочь получить этот набор для своего сына, так как ее голос не источал доброты. От себя она строго добавила:

– Ты же поделишься со своими друзьями?

Я охотно закивал и показал на двоих друзей со своего двора, чтобы лишить иллюзий остальных ребят, окруживших делегацию.

Я действительно поделился с ними. Мы сделали это честно, по справедливости, но самым бездарным и глупым образом. На самом деле я не собирал марки, не знал правил филателии, впрочем, как и мои друзья, не понимал, что такое «серия» или «блок», поэтому принцип дележа был простой – по количеству. И если в серии было шесть марок, то каждому по две. У настоящего филателиста от такого дележа случился бы обморок.

А марки там были, помнится, замечательные. Очень красивые! Особенно марки колоний, которых в то время на земном шаре было очень много. Почему-то именно у колоний были большие разноцветные марки с экзотическими растениями и животными на них. А как хороша была бельгийская серия с «Атомиумом», которую мы разбили, как и все остальные!

Что поделаться! Дети... А дети глупы по определению, просто потому что они – дети. Некоторым эту глупость удастся сохранить до преклонного возраста.

Был еще один похожий эпизод. В 1961 году в пионерский лагерь «Космос» от института «Гипромез», в котором работал мой отец и потому я отдыхал в этом лагере каждое лето, приехала иностранная делегация. В этот раз из Финляндии. В лагерь почти каждый год приезжала какая-нибудь делегация – из Венгрии, Болгарии, Чехословакии или ГДР. Были и обмены детей на отдыхе: в лагере отдыхал зарубежный отряд, а наш отряд выезжал на отдых за рубеж. Правда, я никогда в эти обмены не попадал.

Делегация из Финляндии, в которую, как нам говорили, входил даже миллионер, разбившись на группки, ходила по лагерю: заходили в корпуса – летние деревянные финские домики, на спортплощадки, в столовую. За ними, как полагается, тянулись стайки детей, периодически выкрикивающих:

– Пурукуми е?

Я не знал, что это означает, но мой бывалый приятель объяснил:

– Чудак, это же жвачка!

Что такое жвачка, я тоже плохо представлял, то есть может и представлял, но не знал к чему это сейчас. Однако слово такое знал.

Иностранцы раздавали жвачку, которая оказалась похожа на конфету, конфеты, а иногда даже шариковые ручки, что в те годы у нас было экзотикой, потому что в СССР они не производились и не закупались. Иметь шариковую ручку было несбыточной мечтой каждого советского пионера. Ее не надо заправлять чернилами, она не течет и не пачкается, ею можно писать любой стороной, а не следить за правильным положением пера.

Одна из групп финнов остановилась около нас. Через переводчика они спрашивали, как нам живется в лагере. Мы дружно отвечали, что хорошо, и многие сразу начинали канючить жвачку. Кому-то что-то перепало. Я, как всегда, стоял в последних рядах и смотрел. Я никогда не видел иностранцев, тем более живых миллионеров, и потому они вызывали у меня искренний интерес. Они такие же, как и мы, или в чем-то отличаются? Особого желания получить жвачку у меня не было, но мое молчание и заинтересованный взгляд опять произвели впечатление. Одна из женщин позвала меня к себе и насыпала в мои ладони и жвачку, и конфеты, и значки, положила даже шариковую ручку. Такого богатства не было ни у кого! Она погладила меня по голове, что-то сказала и ее группка пошла дальше.

Однако богатство в моих руках было недолго. Воспитательница нашего отряда сказала, что нельзя, чтобы у одного было всего так много. Она оставила мне значок и конфету, а остальное забрала. Но я был не в обиде, ведь мне досталась конфета, а что это такое, я знал.

За помощь денег не берут

Следующий мамин императив вошел в мое подсознание, наверное, лет в пять.

Был я мальчик добрый и отзывчивый – всегда охотно помогал, когда об этом просили, и любил, чтобы меня хвалили. Мама читала мне хорошие детские книжки, где дети помогают взрослым и особенно пожилым людям. Я с самого раннего детства знал стихотворение Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», поэтому прочно усвоил финальный призыв: «Буду делать хорошо и не буду плохо!».

Однажды летом, ближе к вечеру, играя во дворе, я увидел бабушку из второго подъезда, которая несла в обеих руках по сетке, в каждой из которых была трехлитровая банка, кажется, с солеными помидорами. Я решил, что ей тяжело и надо помочь, подбежал к ней и предложил донести одну из авосек. Бабушка удивилась и сказала, что банка очень тяжелая.

– Ничего, я сильный! – с гордостью ответил я, взял авоську двумя руками и довольный донес до ее квартиры. Растроганная бабушка поблагодарила, полезла в кошелек, достала рубль² и дала мне. Я не знал, что с ним делать, и потому продолжал стоять перед ней.

– Бери бери, – сказала бабушка, – ты же помог мне, значит заслужил.

Я взял и довольный побежал домой, чтобы похвастаться маме, что мне рубль дали.

– Мама, смотри, что мне дали! – объявил я с порога. Мама, все еще улыбаясь, как это было всегда при виде меня, спросила:

– Кто это тебе дал?

– Бабушка из второго подъезда, – ответил я, но решил пока не говорить, за что. Мне хотелось произвести на нее еще большее впечатление своим хорошим и в результате, как выяснилось, доходным поступком.

– А за что ж тебе бабушка дала рубль?

И вот теперь я с гордостью рассказал, что помог бабушке донести банку с помидорами. Банка была очень тяжелая, но я смог, потому что я сильный.

Конечно, я ожидал, что мама меня похвалит – ведь я же сделал хорошее дело и при этом заработал целый рубль! Но лицо мамы почему-то стало хмурым.

– Я не поняла, – сказала мама, – ты бабушке помог или поработал у нее носильщиком?

– Конечно, помог, – сказал я, – банка была тяжелая, а я ее донес.

– Тогда почему ты взял деньги? Когда помогают, денег не берут. Но если ты хочешь работать носильщиком, то стой у ворот и всем объявляй, что за рубль ты готов донести авоськи до дома.

Нет, работать носильщиком я совсем не хотел.

– Сережа, если ты бабушке помог, – продолжала мама, – то должен пойти, вернуть ей этот рубль и при этом извиниться за то, что взял. Иди, – сказала мама.

Я понуро вышел из комнаты и побрел ко второму подъезду. Мне совсем не жалко было рубля, но почему-то стыдно было его возвращать. По пути к подъезду я решил зарыть рубль в песочнице – не для того, чтобы потом его потихоньку взять и что-нибудь купить, а просто, чтобы спрятать, а маме сказать, что отдал.

Так я и сделал, а маме сказал, что вернул рубль. Мама внимательно посмотрела на меня.

– Где ты его спрятал? – спросила она.

Я не раз убеждался в прозорливости мамы, моментально распознающей мою ложь, но все-таки продолжал твердить, что рубль я отдал.

– Хорошо, – сказала мама, – пойдем к бабушке и у нее спросим.

Делать было нечего, пришлось сознаваться. Мама сказала:

² После 1961 г. – 10 коп.

– Пойдем вместе, найдем этот рубль, и ты при мне отдашь его бабушке.

Пришлось идти. Я быстро нашел злополучный рубль в песочнице и мы подошли к той самой квартире. Вышла бабушка. Я стоял впереди мамы и протягивал рубль, сквозь слезы говоря, что не должен был его брать.

Бабушка этот рубль взяла, потрепала меня по голове, чтобы я успокоился. Было видно, что она молча одобрила воспитательную меру моей мамы.

Мы пришли домой. Я уже отошел от слез, мама меня не ругала, а усадила рядом с собой.

– Пойми, когда ты помогаешь людям, ты никогда не должен брать денег, – объяснила она. – Если ты возьмешь деньги, это уже будет не помощь, а работа. За помощь тебя всегда похвалят, а вот за работу могут и отругать, если ты ее плохо сделаешь.

Я всегда хотел, чтобы меня хвалили, поэтому впредь никогда не брал денег за помощь.

Доносчику – первый кнут!

Как и все дети, мы с сестрой в детстве часто ссорились. Проказничал больше я, а сестра была вынуждена терпеть, поскольку старше меня была почти на четыре года.

Великая несправедливость присутствует в семьях с разновозрастными детьми. С момента рождения младшего ребенка старшего приучают, чтобы он заботился о младшем и ни в коем случае его не обижал. От младшего ничего похожего не требуют. И конечно, маленькие подчас распоясываются и бессердечно колотят старших. А те не могут им ответить – мама не велит. Старших это очень обижает!

Так было и у нас. С самого моего рождения сестра заботилась о маленьком братике. Еще не исполнилось мне и полгода, а сестра принесла мне свою любимую шоколадную конфету и пыталась засунуть в мой рот. Ей для меня ничего не было жалко. А я с возрастом наглел все больше и больше. Существовало семейное предание, что в возрасте 4 лет я разбил о ее голову балалайку. Лена только плакала и даже не пыталась меня проучить. Этого делать было нельзя. Мама не велела!

От безнаказанности все люди распускаются. Наказание и в детстве и после указывает те рамки дозволенного через которые нельзя переходить. Я же привык проказничать как хотел, а на строгий вопрос, кто это сделал, быстро врал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.